

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-474-498

EDN: OANRME

УДК 811.16'373.423

Научная статья / Research article

К истокам межславянской омонимии: прототипическое и случайное

А.В. Савченко¹ , М.С. Хмелевский² ¹Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация chmelevskij@mail.ru

Аннотация. Межславянская омонимия на материале восточно-, западно- и южнославянских языков является актуальной проблемой в сравнительно-сопоставительном языкознании, переводе и в практике преподавания славянских языков. Авторы анализируют случаи проявления омонимии, описывают причины ее возникновения, определяют характер, лингвистические и экстралингвистические факторы, сопровождающие это семантическое явление. Межславянская омонимия рассматривается на всех основных уровнях языка: фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса, стилистики, а также фразеологии, дается теоретическое обоснование причин появления в языке (resp. языках) омонимов; особое внимание уделяется полным и неполным омонимам, которые развились на базе фонетической и этимолого-семантической общности лексики или же, наоборот, случайно совпали в произношении. Следует особо подчеркнуть актуальность этой проблемы и ее научно-практическое значение в рамках контрастивного изучения близкородственных языков, что также имеет особую значимость для теоретического изучения и практического решения лингвокультурологических вопросов славянской общности, которая в сравнении с другими индоевропейскими языковыми группами распалась сравнительно поздно (V—VI вв. н.э.). Несмотря на то, что в славистике данной проблеме уделяется большое внимание, а описанию случаев межславянской омонимии посвящено немало работ, включая словари, фиксирующие омонимы в двух или нескольких языках, актуальность настоящего исследования состоит именно в том, что его основной целью стал широкий лингвистический обзор с максимально возможным охватом всех трех групп славянских языков — начиная с русского и украинского на востоке, польского, чешского и словацкого на западе, сербского, хорватского, болгарского на юге славянского мира и заканчивая его «периферией» — словенским на его юго-западе. В качестве *tertium comparationis* для авторов предлагаемого исследования является генетическая общность славянских языков и, соответственно, этимологическое родство их лексического состава. В статье предложены одни из наиболее иллюстративных, употребительных и частотных лексем-омонимов, в т.ч. представляющих переводоведческую проблему т.н. «ложных друзей

© Савченко А.В., Хмелевский М.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

переводчика». Хотя общий список рассмотренных омонимов далеко не исчерпывающий, материалы статьи могут послужить прочной теоретической и практической основой создания фундаментального словаря межславянских омонимов.

Ключевые слова: славянские языки, межъязыковая омонимия, лексика, семантика, контрастная лингвистика, лексикология, сравнительное славянское языкознание

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

Для цитирования:

Савченко А.В., Хмелевский М.С. К истокам межславянской омонимии: прототипическое и случайное // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 474–498. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-474-498>

Interlingual Slavic Homonymy: Prototypical and Occasional

Alexandr V. Savchenko¹ , Mikhail S. Khmelevsky²

¹National Chengchi University, *Taipei, Taiwan*,

²St. Petersburg State University, *St.-Petersburg, Russian Federation*

 chmelevskij@mail.ru

Abstract. The issues of interlingual Slavic homonymy are being examined in a multifaceted way on the material of the East, West and South Slavic languages. Given research problem is one of the most actual in comparative linguistics, translation studies, as well as in the practice of teaching Slavic languages. On specific examples cases of manifestation of homonymy are analysed, the causes of its occurrence are studied, the character, linguistic, as well as extralinguistic factors that accompany this semantic phenomenon are described. Among other things, unlike most scientific works devoted to this topic, the problem we touch on is considered at all basic levels of the language: phonetics, vocabulary, morphology, syntax, stylistics, and phraseology, a theoretical substantiation of the reasons for the appearance of homonyms in the language (resp. languages) is given. Special attention is paid to full and partial homonyms, which developed on the basis of both phonetic and etymological-semantic commonality of vocabulary or, conversely, accidentally coincided in pronunciation. It should be emphasized the relevance of this problem and its scientific and practical significance in the framework of the contrastive study of closely related languages, which is also of particular importance for the theoretical study and practical solution of linguistic and cultural issues of the Slavic community, which, in comparison with other Indo-European language groups, disintegrated relatively late (V—VI centuries AD). Despite the fact that much attention is paid to this problem in Slavic studies, and many works are devoted to describing cases of interlingual Slavic homonymy, including dictionaries fixing homonyms in two or several languages, the importance of this study lies precisely in the fact that its main goal has become a broad linguistic review with the maximum possible coverage of all three groups of Slavic languages — starting with Russian and Ukrainian in the East, Polish, Czech and Slovak in the West, Serbian, Croatian, Bulgarian in the South of the Slavic World and ending with its “periphery” — Slovenian in its South West. As tertium comparationis for the authors of the proposed study is the genetic commonality, genetic relationship of the Slavic languages and, accordingly, the etymological relationship of their lexical structures. The article presents some of the most illustrative, common and frequent homonyms, including that of representing the translation problem of the so-called “false friends of the translator”. Although

the general list of examined homonyms is far from exhaustive, the materials of the article can serve as a solid theoretical and practical basis for creating a fundamental dictionary of interlingual Slavic homonyms.

Keywords: Slavic Languages, Interlingual Homonymy, Lexis, Semantics, Contrastive Linguistics, Lexicology, Comparative Slavic Linguistics

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Savchenko, A.V. & Khmelevsky, M.S. (2024). Interlingual Slavic Homonymy: Prototypical and Occasional. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 474–498. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-474-498>

Введение. Постановка проблемы

Среди широко изучаемых в современной славистике проблем можно выделить один из интересных лингвистических феноменов, наблюдаемых как в рамках одного отдельно взятого языка, так и в сопоставлении с другими языками или даже группой языков — о (межславянской) омонимии. Возникновение данного явления в рамках одного языка обусловлено рядом причин, при этом во многих случаях речь все же идет о случайном совпадении лексем (в произношении, написании, восприятии на слух; это может быть совпадение в отдельных грамматических формах и т.п.), например, рус. *брак*, серб. *странка* — ‘клиент’ и ‘партия’, рус. *куча* — серб., хорв. *kuća* ‘дом’ (в двух разных, не связанных друг с другом значениях), *среда* (также в двух разных значениях), *код* — *кот*, *род* — *рот* (неразличение в произношении) и т.п.; так же, как правило, случайным является и совпадение слов в неродственных друг другу языках: *jeden* — чеш. ‘один’, нем. ‘каждый’; общеславянское *more* — англ. *more* ‘больше’, рус. *магазин* — англ. *magazine* ‘журнал’, рус. *дурак* — турец. *durak* — ‘остановка’, рус. *кулак* — турец. *kulak* — ‘ухо’, рус. *башка* — алб. *bashkë* — ‘община, муниципальное образование’, рус. *мир упавшим* — алб. *mirupavshim* — ‘до свидания’) и т.д. В то же время довольно интересный и разнообразный материал, иллюстрирующий самые разные случаи и варианты проявления межъязыковой омонимии на всех основных уровнях языка, дают именно родственные языки. «Вольное или невольное» созвучие слов возникает здесь не всегда случайно — в большинстве своем оно обусловлено семантическими трансформациями, расхождениями в значении и смысловом переосмыслении генетически родственных однокоренных слов в лексическом составе близкородственных языков. Богатый материал в обозначенном научно-исследовательском направлении дают славянские языки: именно в них довольно часто обнаруживаются многочисленные «омонимические цепочки», образующие

пары омонимов не только в каких-либо двух отдельно взятых языках, но и целые параллели сразу в нескольких из них. Так, классическим примером межславянской омонимии уже стала, например, лексема *родина*, которая при общности этимологии и семантического значения в разных славянских языках выражает разные, хотя и историко-этимологически объяснимые значения.

Материал и методология исследования

Теоретическую основу исследования, главным образом, составляют работы ведущих специалистов в области изучения (меж) славянской омонимии (в узком и широком смысле). Среди наиболее авторитетных ученых упомянем, среди прочих, В.В. Виноградова, О.Н. Трубачева, О.С. Ахманову, В.С. Ващенко, В.В. Дубичинского, Н.В. Заславскую, Е.В. Федорчук, К.Ч. Кусалья, а также работы зарубежных славистов в этой области, таких как: Э. Лотко, Д. Баттлер, П. Дюрчо, З. Гросбарт, Л. Горалик, Е. Калишан, Д. Коллар, Я. Ставницка, Й. Влчек, М. Затовканюк и др. Практическим материалом настоящего исследования послужили данные различных славянских языков, этимологических^{1,2,3,4,5}, а также двуязычных словарей омонимии и толковых словарей украинского⁶, польского^{7,8,9}, чешского и словацкого^{10,11}, словенского¹², сербского и хорватского^{13,14,15} языков, а также наиболее иллюстративные омонимичные единицы, собранные в нами в ходе сплошной выборки как из работ, посвященных исследованию данного вопроса, так и в ходе наших полевых исследований в славянских странах и нашей картотеки, в которой зафиксированы наши наблюдения. В качестве ведущего метода анализа эмпирического материала в настоящей работе является сравнительно-сопоставительный

¹ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд /под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М: Наука, 1979.

² Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2001.

³ Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: JAZU, 1971–1974.

⁴ Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: ČSAV, 1957.

⁵ Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: UW, 1957.

⁶ Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1970–1980.

⁷ Kusal K. Rosyjsko-polski słownik homonymów międzyjęzykowych. Wrocław: Wyd-ctwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2022.

⁸ Słownik frazeologiczny PWN. Warszawa: PWN, 1995.

⁹ Wielki słownik języka polskiego PWN. Warszawa: PWN, 2018.

¹⁰ Kursar M., Sesar D. Slovačko-hrvatski i hrvatsko-slovački praktični rečnik s gramatikom. Zagreb: Školska knjiga, 2005.

¹¹ Škerlj S., Aleksič R., Latkovič V. Slovenačko-srpskohrvatski rečnik. Ljubljana: DZS, 1964.

¹² Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: DZS, 2016.

¹³ Хлебец Б. Речник етимолошких парова. Београд: Просвета, 2010.

¹⁴ Толстой Н.И. Сербскохорватско-русский словарь. М.: Русский язык, 2010.

¹⁵ Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.

метод, а также научно-практическая методика классификации и теоретического структурирования имеющегося довольно разобщенного языкового материала.

История вопроса

К настоящему моменту различные аспекты омонимии — основные теоретические вопросы, источники и характер ее реализации на разных уровнях языка — можно считать уже довольно хорошо проработанными и детально описанными как на материале отдельно взятых славянских языков, так и в их сопоставлении друг с другом. Так, например, русско-польской омонимии посвящено подробное исследование К.Ч. Кусаля [1], белорусско-русская проблематика омонимии представлена, в частности, работами П.П. Шубы [2], И.С. Ровдо [3] и др., упомянем также и Н.В. Заславскую [4], в работах которой межъязыковая омонимия описывается на материале русского и украинского языков, украинско-польскую омонимию рассматривает М.А. Беднаж [5], а хорватско-русскую — К. Левис¹⁶, сербско-польскую — Д. Шипка¹⁷; польско-чешская омонимия представлена в исследованиях таких авторов, как М. Шалек и Й. Нечас¹⁸, Т.З. Орлощ¹⁹, польско-словацкие параллели омонимов анализируются в работе М. Панчиковой²⁰, словацко-словенская омонимия рассматривается Ю. Ванько [6], а с конфронтационной точки зрения она широко представлена в исследовании Р. Гораковой [7], а также в целом ряде прочих научных лингвистических трудов сравнительно-сопоставительного характера, посвященных межъязыковой омонимии в парах различных славянских языков.

Вместе с тем по-прежнему «лакунарным» остается рассмотрение случаев общей межславянской омонимии (в самых разнообразных ее проявлениях, на разных уровнях языка), т.е. с привлечением одновременно всех славянских языков: изучению широкого среза общеславянской омонимии на данный момент посвящено не так много научных лингвистических исследований. Вероятно, этот факт можно объяснить, с одной стороны, «необъятностью» рассматриваемого материала (славянские языки даже внутри одной отдельно взятой группы уже дают очень объемный исследовательский материал), с другой — подобное

¹⁶ *Lewis K.* Lažni prijatelji s Riječnikom hrvatsko-ruskih lažnih prijatelja. Zagreb: Institut za hrvatski jezik, 2016.

¹⁷ *Šipka D.* Rečnik srpsko-poljskih međujezičkih homonima i paronima. Poznań: Wyd-wo naukowe UAM, 1999.

¹⁸ *Szałek M., Nečas J.* Czesko-polska homonimia. Słownik. Poznań: Wyd-ctwo naukowe UAM, 1993.

¹⁹ *Orłoś T.Z.* Czesko-polska pozorna ekwiwalencja językowa. Materiały pomocnicze dla studentów, polskich bohemistów i czeskich polonistów. Kraków: Wyd-ctwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004.

²⁰ *Pančíková M.* Zradné slova v poľštine a v slovenčine. 1. vyd. Bratislava: Vyd-vo UK, 1993.

общеславянское исследование требует от лингвиста-слависта практических знаний и владения всеми или, как минимум, несколькими славянскими языками, что довольно резко сужает круг ученых, способных провести подобный обзор [8. С. 12].

Значимость и актуальность изучения омонимии для славистики

Причинами возникновения омонимии в славянских языках, по нашему мнению, в основном являются расхождения, появляющиеся вследствие семантической конкретизации исходного древнего образа; подобные семантические трансформации начали происходить в период после распада славянской общности, что в каждом отдельно взятом славянском языке проходило по своим законам, путям и принципам. Таким образом, заявленная проблематика представляет собой неоспоримый научно-исследовательский интерес, а само исследование с привлечением максимально широкого славянского языкового материала, проводимое с позиций многоаспектности анализа и, по возможности, всеохватности его параметров (омонимия рассматривается параллельно сразу же на нескольких основных языковых уровнях), безусловно, является актуальным лингвистическим научным трудом. Значимость подобного комплексного обзорного описания значительного по объему межславянского лексического континуума обуславливается особым историко-лексикологическим вниманием к порой даже весьма парадоксальными семантическим трансформациям в семантике общеславянских и исконно схожих по значению однокоренных слов (ср. рус. *ужасный* и чеш. *úžasný* — ‘прекрасный, отличный’, рус. *вредный* и серб. *вредан* — ‘трудолюбивый, прилежный’, рус. *запомнить* и пол. *zapomnieć*, чеш. *zapomět* — ‘забыть’, рус. *черствый* и чеш. и словацк. *čerstvý* — ‘свежий’, рус. *понос* — серб. *понос* — ‘гордость’, рус. *баба* и серб. *бабо* — ‘отец, дед’, рус. *отрок*, словенск. *otrok* ‘ребенок’ — чеш. *otrok* ‘раб’ и многие другие).

Актуальность проведения подобного рода исследования обусловлена также еще целым рядом причин, среди которых, в первую очередь, отметим некоторую терминологическую «размытость» самого термина *омонимия*: так, в различных работах можно встретить следующие терминологические дефиниции данного явления: «ложные друзья переводчика», «межъязыковые омонимы / паронимы», «тавтонимы», «псевдоэквиваленты», «коварные слова», «междуязычные аналогизмы», «межъязыковая гетерофемия» и др. [1. С. 26]. В этом смысле отметим также отсутствие четкого унифицированного понимания понятия *омоним*, или *межъязыковая омонимия*. По замечанию К.Ч. Кусалья, «для контактирующих родственных славянских языков проблема лингвистического исследования и лексикографического описания межъязыковой омонимии — одна из сложных задач, ибо уже само определение

объема омонимии (как внутриязыковой, так и межъязыковой) и разграничение омонимов является необычайно трудным» [1. С. 6].

Прежде чем приступить к непосредственному анализу практического материала, в качестве важного вводного замечания отметим, что случаи проявления омонимии в славянских языках можно (а по нашему убеждению — необходимо) рассматривать с разных лингвистических позиций и с учетом различных критериев, в частности, с точки зрения ее проявления на всех основных языковых уровнях. Так, например, на фонетическом уровне это явление особенно четко прослеживается на примерах конкретных славянских языков у неполных, но ассоциативно связанных фонетически омонимах, скажем, рус. *плод* — *плот*, *код* — *кот*, а также и в межславянских параллелях, например, рус. *глаз* — чеш. *hlas*, серб. и хорв. *glas* ‘голос’, рус. *друг* — укр. *друж*, пол. *druk* ‘печать’, рус. *кут* — укр. *kit* ‘кот’, рус. *шум* — серб., хорв. *шума* ‘лес’, рус. *туя* — словенск. *tuja* ‘иностранная, чужая’, рус. *круг* и хорв. *kruh* ‘хлеб’ и мн. др. Особо показательными в отмеченном фонетическом аспекте являются языки сербско-хорватского языкового континуума: здесь обнаруживается целая группа слов, которые, являясь омографами, различаются по своему значению в зависимости от характера ударения, например, в таких парах, как, в частности: *grad* — ‘город’ и ‘град’ как осадки, *skup* — ‘дорогой’ и ‘собрание’, *dug* — ‘длинный, долгий’ и ‘долг’, *kuputi* — ‘купить’ и ‘собирать’ [9]. В чешском языке сходное явление встречается в словах, различающихся общим долгим или кратким гласным: *draha* — *drahá* ‘дорога’ и ‘дорогая’, *pas* — *pás* ‘паспорт’ и ‘пояс’ и т.п., и хотя в чешском они не будут являться ни омонимами, ни омографами, но для носителей восточнославянских языков, где отсутствует фонематическое различие по долготе и краткости, их можно отнести не столько к омонимам, сколько к омофонам, равно как и рус. *мóлодец* и *молодѐц*, *зáмок* и *замóк* и т.п. для носителей западнославянских языков с фиксированным ударением также будут являться не только омографами, но и фонетическими омонимами [10. С. 89].

Что касается непосредственно представленного ниже языкового материала, то он преимущественно взят нами из словарей, в т.ч. тематических — словарей (меж) славянской омонимии (см. Библиографический список, а также целого ряда лингвистических работ: статей и научных монографий, а также на основе собственного научно-практического опыта (общение в межславянской аудитории, переводческая и преподавательская практика и т.п.). Исследование проводилось на принципах историко-этимологического, контрастивно-сопоставительного анализа с элементами контекстуально-прагматического и функционально-стилистического анализа лексем в живом употреблении (как в сфере устной коммуникации, так и письменной речи).

Межславянская омонимия на лексическом уровне

Обзор омонимов по тематическим группам

Итак, обратимся непосредственно к обзорному анализу отдельных наиболее иллюстративных примеров межславянской лексической омонимии и их лингвистическому описанию. Как уже говорилось, случаи омонимии в славянских языках могут быть случайным совпадением словоформ (в определенных грамматических формах фонетическим или лексическим), однако нередко она возникает благодаря семантическим сдвигам в исконном значении родственных однокоренных слов. В частности, это наглядно демонстрирует лексика, связанная с родовыми отношениями. Наиболее показательными в этом смысле можно считать примеры с корнем *-rod-*: рус. *родина* — с одной стороны, и с другой — укр. *родина*, чеш., словацк. *rodina*, пол. *rodzina* в значении ‘семья’; в сербском же *родина* имеет значение ‘урожай’, что этимологически объяснимо исконной семантикой общеславянского корня. Примечательна также и «обратная» омонимия. Так, в чешском языке русское *родина* соответствует лексеме *vlast* и словацк. *vlast'*, которые, в свою очередь, составляют омонимичную пару с рус. *власть*. Данную омонимичскую цепочку можно продолжить и дальше: в чешском и словацком слово *tos*, помимо семы «сила», имеет значение «власть»; данная лексема фактически оказывается омонимичной рус. *мощь* (в высоком стиле), а также сопоставимой со стилистически нейтральной сербской и хорватской лексемами *moć*, словенск. *moč* — ‘сила’.

Возвращаясь к русской номинации *семья*, приведем хорв. слово в этом значении — ‘*obitelj*’, вызывающее «омонимичную ассоциацию» с рус. *обитель* и также оказывающееся этимологически связанным с однокоренным русским омонимом. Семантически омонимичным в современных славянских языках в рамках этой лексико-семантической группы выступает общеславянский корень *-друж-* (праслав. *drugъ, ст.-сл. *дрoугъ*) в таких лексемах, как *дружина* (в современных рус., серб., хорв., чеш. *družina*, пол. *drużyna*, болг. и макед. *дружина* это слово имеет схожее лексически, но не совсем стилистически тождественное значение: ‘команда, (небольшая) компания, (небольшое) общество’, а также ‘войско, воинский отряд’), однако в украинском его семантика расширяется и трансформируется вплоть до семы ‘супруга’ (ср. также укр. *одружитися* — ‘пожениться’); в словенском *družina* употребляется в значении ‘семья’ [11. С. 90]. В продолжение сказанного примечательно отметить, что в плане сдвига семантики как одного из механизмов возникновения межславянской омонимии является то, что однокоренные рус., чеш., пол., серб., хорв. *дружба* / *družba* в современных славянских языках не тождественны словенской лексеме *družba*, где это слово имеет значение «коммерческая компания, фирма». Сравнивая употребление этого лексико-семантического поля и его семантики в разных языках, мы прослеживаем общеславянский образ

некоторого сообщества людей, конкретизация и расхождение которого проходило у разных славян разными путями [12. С. 23], т.е. уже после распада общеславянского единства. При этом мотивировка новообразованных значений и их метафорических переносов, которая на современном этапе закрепились как основная в словарном запасе того или иного языка, вполне логично возводится к исконному значению праславянского корня.

В некоторых случаях омонимы можно объединить в условные тематические группы. Так, например, рассмотренную выше семантическую группу омонимов можно назвать как «Родственные, или близкие отношения». Еще одна группа омонимов может быть обозначена как «Названия жилища, помещений и предметы домашнего хозяйства». В этом смысле приведем показательный пример: рус. *комната* и укр. *кімната* соответствуют чеш. *pokoj*, польск. *pokój*, что опять-таки является омонимом русскому *покой* (аналогичное значение находим и в южнославянских языках). В данном случае следует говорить о частичной омонимии, поскольку значение лексемы (*приемный*) *покой* — ‘комната’ в современном русском сохраняется только в медицинском дискурсе — как обозначение типа помещения, предназначенного для приема, регистрации, первичного осмотра пациентов, при том, что в русском сохраняется и архаичная семантика данного слова, ставшего историзмом, как, например, в устойчивом сочетании *царские покои*. Напротив, в современных польском и чешском в этом архаизированном значении русского слова лексема *komnata* употребляется в значении ‘большое по размерам помещение с красивым убранством (как правило, в замке, дворце)’. Таким образом, мы имеем дело с «обратной омонимией», когда слова общего в славянских языках происхождения приобрели антонимичное по своей стилистической окраске значение, сохранив при этом общий денотат — ‘часть дома, предназначенная для жилья’. По аналогичному принципу пережило свою семантическую трансформацию и значение лексемы рус. *изба* — от праслав. **jьstьba*. В разных славянских языках эта лексема получила разное значение: в русском языке она означает ‘деревянный дом в деревне’, в словацком *izba* имеет стилистически нейтральное значение ‘комната, номер в гостинице’, а в словенском, сербском и хорватском — это ‘комната, погреб’, в польском — ‘комната, палата’, в болгарском — ‘землянка, хижина’. В связи с этим можно также привести пример неполной стилистической омонимии из словенского языка: стилистически нейтральное *hiša* — ‘дом’ и рус. *хижина* — ‘примитивное жилище человека’.

В продолжение сказанному приведем еще один пример из этой же лексико-семантической группы омонимов — польскую лексему *akademik*, которая по своему значению оказывается сразу «внутри-» и «внешнеязыковым» омонимом: в своем первом значении оно совпадает с рус. значением ‘академик’, ‘ученый’, однако в разговорном языке

akademik — это ‘студенческое общежитие’ (от *dom akademicki*), и в данном значении и словоупотреблении она уже рассматривается как межславянский языковой омоним. При этом подчеркнем, что данный пример иллюстрирует еще один тип межславянской омонимии, возникшей в результате неодинаковой семантической интерпретации разными славянскими языками заимствованных слов (ср. рус. *интернат* и словацк. *internát* — ‘студенческое общежитие’).

Украинская лексема *квартирка* — ‘форточка’ не является абсолютным омонимом, поскольку она не полностью фонетически или орфографически совпадает с русским словом *квартирка*, однако на слух носителем русского языка она как правило воспринимается именно как форма деминутива от слова *квартира*. Таким образом, в данном примере следует говорить еще об одной форме межъязыковой омонимии — случайной фонетико-ассоциативной (ср. словацк. *niech sa páči* — ‘пожалуйста’ и рус. *мех собачий*, укр. *незабаром* — ‘скоро’ и рус. *не за баром*, укр. *краватка* — ‘галстук’ и рус. *кроватька* (диминутив от *кровать*), серб. *za džabe* ‘бесплатно, на халяву’ и созвучное рус. *за жабу*, пол. *cześć* — ‘привет’ и рус. *честь* и т.п.).

Как логическое продолжение предыдущей тематической группы «Дом, жилище, место пребывания» можно провести также межславянские омонимические параллели лексем с общей номинацией «*Последнее пристанище человека*» — ‘могила, кладбище’. Так, например, украинское слово *домовина* в значении ‘гроб’ (в рус. оно является архаичным) омонимично серб., хорв., словенск. *domovina* — ‘родина, отечество’. В данном примере при общем этимологическом родстве этих однокоренных слов мы имеем дело с почти антонимичным переосмыслением семантики исконно славянского корня, метафорическая мотивировка которого исторически вполне объяснима. Толчком для такого семантического расхождения послужил общий славянский образ — ‘место постоянного пребывания человека’, различные коннотации которого, как мы видим из приведенных примеров, отдельные славянские языки актуализировали по-разному, что являет собой яркий пример еще одной причины возникновения межъязыковой омонимии в близкородственных языках. Это дает нам основание выделить следующий аспект причин возникновения межславянской омонимии, а именно — семантическая конкретизация одного из исконных значений общеславянского корня, или омонимичная метафоризация, как и в случае серб., хорв., словенск. *grob*, чеш., словацк. *hrob*, пол. *grób* — ‘могила’.

Омонимы, возводимые к общеславянскому корню

В дополнение к сказанному об актуализации одного из значений семантического гнезда исконного общеславянского корня *-трав-* приведем пример со словообразовательными производными от лексемы *трав*,

которая в разных языках приобрела разные коннотации и по-разному актуализировала исходное значение. Так, примеры омонимов рус. *отрава*, серб. *отров*, хорв. *otrov* — ‘яд’, с одной стороны, и чеш., словацк. *potrava*, *stráva* — ‘еда, пища’, *potraviny* — ‘продукты питания’ — с другой, — ярко иллюстрируют разницу в выборе тем или иным языком одной из семантических коннотаций праславянского корня *-трав-*, этимологически возводимого к значению «пища, корм для скота» от индоевропейского **trew* — ‘тереть, перетирать, переваривать пищу’ [13. С. 12]. С этим связаны и мотивированные данным корнем глаголы, которые в разных славянских языках также разошлись в значениях вследствие актуализации того или иного семантического признака, но объединяемые общим понятием ‘пища’: рус. *травить (ся)* — укр. *травити* — ‘переваривать пищу’, серб., хорв. *traviti* — ‘кормить травой’, чеш. *trávit se*, словацк. *trávit' sa* — ‘питаться’, пол. *trawić* — ‘1. переваривать, перерабатывать; 2. травить, отравлять, уничтожать’²¹. Как показывает данный случай, мы имеем дело еще с одним типом омонимии, а именно — результат переосмысления исконного значения общеславянского корня, его разложение на отдельные семы и актуализация в разных языках той или иной дефиниции, в том числе и вследствие омонимичных морфологических или словообразовательных трансформаций (префиксация, суффиксация).

Таким образом, как мы видим из приведенных примеров, одной из причин возникновения омонимии в славянских языках, по нашему мнению, в основном являются расхождения, появляющиеся вследствие семантической конкретизации исходного древнего образа; подобные семантические трансформации начали происходить в период после распада славянской общности, что в каждом отдельно взятом славянском языке проходило по своим законам, путям и принципам.

Приведем еще ряд примеров, где возникновение омонимии объяснимо семантической общностью наименования предметов или явлений, более четкая конкретизация значений которых проходила уже после распада общеславянского единства, т.е. в каждом славянском языке по-своему, что, в свою очередь, со временем и определило расхождение исконно родственных слов в общеславянском лексическом фонде. Так, например, от общеславянского глагола *печь* (от праслав. **pektь*) в чешском, словацком, сербском и хорватском языках соответственно образованы лексемы *pečeně*, *pečenie*, *pečenje* — ‘жареное мясо, шашлык, жаркое’, при этом «аналогичное» русское слово *печенье* связано не с мясом, а с видом выпечки, кондитерским изделием из печеного теста. Как нетрудно понять, толчком для формирования семантики служит общий древнеславянский образ,

²¹ Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд /под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М: Наука, 1979.

мотивированный глаголом *печь* (*pekti), однако, как мы видим, в разных славянских языках конкретизация (избирательность семы и ее актуализация) общего значения этимологически и семантически родственной лексемы проходит различными путями.

Показательным можно также считать случай сдвига семантического значения общеславянских лексем в рамках семантического поля глаголов, связанных с процессом говорения, что можно наблюдать, например, в таких случаях, как: рус. *слово* — сербское и хорватское *slovo* — ‘буква’, серб. *реч* — ‘слово’ — рус. *речь*; серб. *говор* — рус. ‘речь’, а рус. *говор* — ‘диалект, местное наречие’; чеш. *řeč*, словацк. *reč*, пол. *rzecz* ‘речь, язык’. Отсюда возникают омонимичные значения и у производных слов: чеш. *řečník*, словацк. *rečník*, пол. *rzecznik* ‘оратор, пресс-секретарь, спикер’ — и серб. *речник*, хорв. *riječnik* ‘словарь’; или же словенск. *besedilo* ‘текст’, мотивированное лексемой *beseda* ‘слово’ — ср. рус. *беседа*, чеш. *beseda* — ‘разговор’.

Аналогичное «уточнение» значения произошло также, например, в паре омонимов рус. *дух* — серб. *дух* ‘юмор’, при этом исходное, первое значение сербского слова соответствует русскому — ‘дух’. Этимологически связанными, но в ходе исторического развития семантики разошедшимися по значению оказались чеш., словацк. *vonět / voňat*, хорв. *vonjeti* ‘благоухать’ и рус. *вонять* ‘зловонно пахнуть, источать неприятный запах’; чеш. *zápach* ‘вонь’ — рус. *запах*; рус. *вонь* — хорв., словенск. *vonj* ‘приятный запах, аромат’. Словенский глагол *dihati* ‘дышать’, ‘приятно пахнуть’, где образ, значение ‘воспринимать и источать воздух’ еще более конкретизировались, — в результате семантических трансформаций оказывается омонимом для рус. *дышать*, пол. *oddychać*, чеш. *dýchat*, словацк. *dýchat*, серб. *dixати*.

Показательным примером расхождения семантики при очевидно кажущимся не только сходстве значений, но и словообразовательной модели (префиксально-суффиксальный способ с одинаковым префиксом), представляет собой рус. *беспечный*, *беспечность* и чеш. / словацк. *bezpečný* — ‘безопасный’, *bezpečnost / bezpečnosť* — ‘безопасность’, *nebezpečný* — соответственно, ‘опасный’. Если в русском слове префикс *без-* вносит в семантику оттенок значения ‘не нуждающийся в опеке, внимании’, досл. ‘без печали, без заботы’²², с негативной окраской в смысле ‘недостаток чего-л.’, то в чешском аналогичный префикс *bez-* в сходном значении со временем приобрел семантически позитивную коннотацию: ‘безопасное’ т.е. то, о чем не нужно беспокоиться, заботиться; что или кого не нужно опекать. Сказанное дополним примерами из других славянских языков: укр. *безпечний*, пол. *bezpieczny*, *bezpieczeństwo*, или серб. *безбедни*, *безбедност* хорв. *bezbjednost*, *bezbjedni* в том же значении ‘безопасность’,

²² *Anić V.* Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.

но с другим корнем, также оказывающимся омонимичным корнем ср. с рус. ‘безбедный’.

Аналогичным образом можно проследить «выкристаллизовывание» нового, более конкретного значения чешского глагола *úspěť*, восходящего к праслав. **spěti*, как и в предыдущем случае — образованного по одной словообразовательной модели. В современном чешском языке данный глагол имеет значение ‘добиться / достичь успеха’, которое в русском является устаревшим, однако в сербском и хорватском это одно из основных значений полисемантического глагола *uspjeti* — ‘успеть’, ‘смочь что-л. сделать’, ‘получиться’, ‘добиться’, а как отмечает Фр. Гавлова, в значении ‘успеть сделать что-либо, быть в состоянии сделать что-либо, осуществить, закончить’ *úspěť* можно встретить в произведениях чешских писателей конца XIX — середины XX вв. [14. С. 54].

Приведем еще один пример того, как лексическое значение изначально семантически общего корня (resp. лексемы) в одном из родственных языков может еще более конкретизироваться, актуализируя одно определенное семантическое значение и нивелируя остальные, исконно заложенные в его смысловой структуре коннотации: если в большинстве славянских языков лексема чеш., словацк. *náhly*, пол. *nagły*, укр. *наглий*, серб., хорв. *нагао / nagli*, словенск. *nagel* в общем значении ‘неожиданный, внезапный; поспешный’ соответствуют исконному значению праславянского корня **nagъ*, то в рус. и болг. соответствующие лексемы — рус. *наглый* и болг. *нагъл* — в процессе своего исторического развития еще более конкретизировали свое значение ‘дерзкий, слишком смелый, нахальный, бесстыдный’²³.

В качестве аналогичного показательного примера семантического расхождения в славянских языках можно считать лексемы, образованные от праслав. **časъ* (о периоде времени): в рус. *час* — это ‘период времени, равный 60 минутам’, в белорус., укр. *час*, чеш., словацк. *čas*, пол. *czas*, словенск. *čas* — ‘время’ (в широком смысле), тогда как в сербском и хорватском *čas* имеет три значения, определяемые только в контексте: первое — аналогично русскому, второе — ‘урок, лекция’, третье — ‘мгновение’.

Более глубокие семантические расхождения при этимологической общности происхождения можно наблюдать в паре межславянских омонимов: рус. *досадный* — серб., хорв. *dosadan* — ‘скучный, надоедливый, назойливый’. Лексемы восходят к общему праславянскому **dosada*. Аналогичную модель семантической трансформации можно также проследить на примере рус. *загрызть* — серб., хорв. *zagristi* — ‘надкусить, укусить’. Фактически в «антонимичные стороны» по своему метафорическому образу и семантике

²³ *Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.*

разошлись чеш., словацк. *čerstvý* — ‘свежий’ и рус. *черствый*, укр. *черствий*, сербск. / хорв. *čvrst* — 1. ‘твердый, старый, засохший’, 2. ‘крепкий, бодрый, непреклонный’. По замечанию М. Фасмера, слово имеет неясное происхождение, родственные славянские лексемы восходят к праслав. корню **čьrstvъ*²⁴.

Таким образом, подобные славянские лексемы, являясь этимологически родственными, оказываются связаны общей коннотацией, однако с течением времени их семантика разошлась, в результате чего они приобрели отличные друг от друга значения, породив тем самым пары межъязыковых омонимов. Будучи исконно этимологически и семантически родственными, в разных славянских языках подобные слова в настоящий момент стали омонимами с различающимися, разошедшимися значениями, в некоторых случаях вплоть до антонимичных. В качестве примеров, иллюстрирующих вышесказанное, кратко приведем такие лексемы-этимологические омонимы, как: чеш. *úžasný* ‘прекрасный’ — рус. *ужасный*, чеш., словацк. / хорв., словенск. *pozor*, укр. *pozір* ‘внимание’ — пол. *rozór* ‘видимость’ и рус. *позор*, а также серб., хорв. *ljubiti* ‘целовать’ — рус. *любить* (при этом в сербском устаревшее значение, аналогичное русскому, сохраняется в фольклоре и песенном творчестве), серб. *zrak* ‘зрение’ и хорв. *zrak* — ‘воздух’, пол. *łączyć się* ‘соединяться’ и чеш. *loučit se*, словацк. *lúčiť sa* ‘разлучаться, прощаться’ рус. *запомнить* — пол. *zapomnieć*, чеш. *zapomněl* ‘забыл’.

Перечень таких этимологически родственных межславянских омонимов можно продолжить целым рядом аналогичных примеров, однако в рамках данной статьи ограничимся лишь некоторыми, с нашей точки зрения, наиболее иллюстративными и показательными: рус. *зной* — серб. *зној* ‘пот’, рус. *брать*, укр. *брати*, чеш. *brát*, пол. *brać*, серб. *брати* — словенск. *brati* ‘читать’, рус. *ласкать* — серб. *ласкати* ‘льстить’, укр. *кохатися* ‘любить друг друга’ — чеш. *kochat se* ‘наслаждаться чем-л.’, рус. *оголиться* — укр. *оголитися* ‘побриться’; ср. чеш. *holit se* и пол. *golić się* ‘бриться’, рус. *миловаться* устар. ‘любить, ласково и с любовью относиться друг к другу’ — укр. *милюватися* ‘любоваться’, рус. *просить* — серб. *просити* только в значении ‘просить милостыню’ или *запросити* ‘сделать предложение девушке’, рус. *грубый* — словацк. *hrubý* ‘толстый’, рус. *ходить*, укр. *ходити*, пол. *chodzić* — серб. *ходати* ‘передвигаться с трудом, с помощью чего-л.’, укр. *країна* ‘страна’ — чеш., словацк. *krajina* ‘пейзаж’, рус. *Дунай* (река) — словенск. *Dunaj* ‘город Вена на реке Дунае’, укр. *Дунай* в фольклоре — метафорично ‘Днепр’, рус. *человек* — укр. *чоловік*, серб. *човек*, хорв. *čovjek* ‘мужчина, муж’, рус. *враг*, укр. *ворог* — хорв. *vrag* ‘черт, дьявол’ — чеш., словацк. *vrah* ‘убийца’; рус. *направо, право* — серб. *право* ‘прямо’, рус. *просто* — пол. *prosto* ‘прямо’, рус. *ровно* — чеш. *rovně* ‘прямо’, рус. *роза* — словенск. *roža* ‘роза’, рус.

²⁴ *Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994. С. 98–99*

быстрый — серб. *бистар* (о воде: ‘прозрачный’, об уме: ‘прозорливый’, рус. *врач* — серб. *врач* ‘знахарь’ — болг. *врач* ‘колдун’ и т.д., как и многие другие подобные «этимолого-семантические» омонимические цепочки.

Омонимы, возникшие в результате исторического переосмысления семантики общеславянской лексемы

Возникновению омонимии в близкородственных славянских языках также может способствовать общность образа, как правило возникающего на базе метонимического либо метафорического переносов семантического значения. В качестве примера можно привести общеславянскую лексему *стена*: в укр., чеш. и словацк. это слово тождественно по значению русскому, однако в серб. и хорв. *stena / stijena* имеет значение ‘каменная скала с крутыми и острыми выступами’, равно как и рус., укр. *берег* и серб. и хорв. *breg / brijeg* — ‘холм, возвышенность’, рус. *струя* — серб., хорв. *struja* — ‘ток, электричество’ общность образа, связанного с ‘течь, струиться’, рус. *гора* — серб. *gora* — 1. ‘гора’, 2. ‘лес’. Аналогичный пример наблюдаем также в русско-словацкой омонимической паре *электричка* разг. ‘пригородный электропоезд’ — *električka* ‘трамвай’, где общность внутренней формы, коннотаций, заложенных в семантике, дает сходные по образности, но различные по дефиниции значения в номинации определенного вида транспорта. В этой же связи кратко упомянем и семантические сдвиги при сохранении сходной, образно близкой коннотации в таких парах межславянских омонимов, как чеш. *láska* ‘любовь’ — рус. *ласка*, рус. *милость* — пол. *miłość* ‘любовь’ и т.п.

Семантическое переразложение исходного значения лексемы *trup* в чешском языке стало основой возникновения чешско-русской пары омонимов: исконное значение ‘тело мертвого человека или животного, мертвец’ (контекстуально сохраняющееся, в частности, и в русском языке), в современном чешском изменилось, расширив при этом семантику и диапазон выражаемых значений: 1. ‘туловище человека, животного’; 2. ‘корпус’; 3. ‘фюзеляж (самолета)’. Фактически схожий семантический процесс пережила и чешская, словацкая лексема *záchod*, хорв. *zahod*: ее исконное устаревшее значение связано с заходом солнца, оно сохраняется, например, в русском — ‘заход солнца’, тогда как в большинстве других славянских языков она метафоризировалась и используется для обозначения конкретно той части света, где заходит солнце: укр. *захід*, пол. *zachód* — ‘запад’. Благодаря мотивировке общеславянского глагола движения чеш. *zachodit* — ‘заходить по пути куда-л. (на короткое время)’ и его буквального восприятия в чешском, словацком и хорватском языках однокоренное (отглагольное) существительное развило новое метафорическое значение — ‘туалет’.

Возникновению омонимии нередко способствует устаревание исходного значения. Так, современное чешское *vojna*, имеющее в современном языке более узкое значение — ‘военная, воинская служба’, отличается по значению

от соответствующих русского, украинского и белорусского *война*, а одноко- ренная чеш. лексема *vojín* — ‘рядовой’ также соотносима с рус. *воин* в одном из двух значений, а именно — ‘тот, кто служит в армии; кто сражается с вра- гом’; в русском данная лексема для обозначения воинского звания, в отличие от чешского, не употребляется. Аналогично и в примере морфолого-семан- тического омонима рус. *войска* (мн.ч.) — ‘воинские части, подразделения’ и серб. *vojska* (ед.ч., ж.р.) — ‘армия’.

Вероятно, о ложной «семантической близости» при возникновении омо- нимии можно говорить также, например, и в случае русско-сербской пары *гусар* ‘военнослужащий легкой кавалерии’ — серб. *гусар* ‘пират’: русское сло- во, хотя иногда ошибочно и возводится к итальянскому *corsaro*, от которого образовано рус. *корсар* ‘пират’, в действительности восходит к венгерскому *húsz*, в то время как сербское — к итальянскому. Сюда же отнесем и такие омонимы, как рус. *урод* ‘человек с некрасивой, безобразной, отталкивающей внешностью’ — с одной стороны, и укр. *врода*, пол. *uroda* ‘красота’ — с дру- гой, а также чеш. *úroda* ‘урожай’. Этимологически слова оказываются род- ственными, ср. пол. *uroda*, чеш. *úroda*, а также рус. *урожай* — от праслав. *urodjajь от *родить* — все эти лексемы объединены общим образом — ‘то, что родилось, уродилось’, при этом приставка *у-* подчеркивает значение мак- симальной перфективности — полное завершение действия (доведение до ре- зультата, до исчерпывающей полноты). В то же время более глубокий эти- мологический анализ показывает, что современное русское *урод* оказывается омонимичным благодаря иному происхождению: здесь первый компонент корня *-урод-* этимологически восходит к носовому звуку в значении отрица- ния — негативный префикс **q-* («не»), т.е. буквально ‘тот, кто не уродился’, ср. ст.-сл. *Жродь*²⁵.

Случайные межславянские лексические омонимы

Все вышеуказанные примеры так называемых «ложных друзей перевод- чика», как демонстрирует их анализ, во многих случаях можно объяснить лексическо-семантической, метафорической или метонимической трансфор- мацией общего образа, изначально заложенного в общем (пра) славянском корне или же общностью семантического поля, к которому принадлежат дан- ные лексемы. Однако не редки и случайные фонетические совпадения, воз- никшие вследствие заимствований из разных языков или обусловленные из- начальной омонимичностью древних корней, различавшихся ударением или фонемами, утраченными в ходе исторического развития языков, в результате чего такие разные по происхождению корни совпали по своему звучанию, как правило, именно в результате фонетических изменений в разных славянских языках [15. С. 99]. Иллюстративными примерами этому могут послужить

²⁵ *Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber, 1994.*

такие пары межславянских омонимов, как: рус. *луна* — укр. *луна* ‘эхо’, рус. *булка* ‘мучное изделие’ — болг. *булка* ‘девушка, невеста’; рус. *кружка* — серб. *крушка* ‘груша’; рус. *штука* — серб. *штука* ‘щука’; рус. *хитрый* — словацк. *chytrý* ‘быстрый’ — чеш. *chytrý* ‘(остро) умный, хитрый’; рус. *обратный* — чеш. *obratný* ‘ловкий, искусный, умелый’; однако ср. *оборотистый* — о чел.); рус. *вредный* — серб. *вредан* ‘прилежный, трудолюбивый’; рус. *пушка* — пол. *puszka* ‘жестяная банка’; рус. *брак* кроме исконно славянского ‘супружеский союз’, мотивированного глаголом *братъ* в значении ‘дефект’ заимствование из немецкого *brechen* — ‘ломать’ или укр. *брак* — пол. *brak* ‘нехватка, недостача’, отсюда рус. *браковать* ‘признавать негодным из-за наличия изъяна, дефекта’ и укр. *бракувати*, пол. *brakować* ‘не хватать, не доставать’; рус. *майка* — серб. *majka* ‘мать’; рус. *куча* — серб. *kuћа* ‘дом’; рус. *табак* — серб. *табак* ‘лист бумаги’; рус. *скупой* — серб. *Скуп* ‘дорогой’; рус. *шар* — укр. *шар* ‘слой’; рус. *магазин* — пол. *magazyn* ‘погреб’; рус. *склеп* — пол. *sklep* ‘магазин’; рус. *журишь* — серб. *журиши* ‘спешить’ — укр. *журитися* ‘грустить, печалиться’, рус. *ногти* — серб. *nokti* ‘гвозди’ и т.п.

Назовем еще одну причину возникновения лексической омонимии — она может быть вызвана лакунарностью в семантике близких по звучанию славянских слов, напр. рус. *время* и серб. *време*, где данная лексема, помимо сходного с русским значения, употребляется также и в значении ‘погода’ рус. *искать* и серб., хорв. *iskati* — ‘искать’ и ‘требовать’, рус. *лук* и серб. *luk* — ‘лук’ и ‘чеснок’; рус. *гулять* и бел. *гуляць* — ‘гулять’ и ‘играть (в спортивные игры)’, серб., хорв. *ići* соответствует рус. *идти, ходить, ехать, ездить*, рус. *ходить* и серб., хорв. *hodati* — ‘еле передвигаться с трудом’ и т.п.

Классификация омонимов по различным языковым уровням

Рассмотрев некоторые межславянские фонетические и лексические омонимы, особое внимание обратим на проявлениях омонимии на других уровнях языка, в частности:

Словообразование и морфология

Омонимия на уровне словообразования и морфологии, по нашему убеждению, заслуживает более тщательного изучения и описания, поскольку ее характер в значительной степени отличается от лексической и требует особого подхода для ее анализа и объяснения причин возникновения: так, например, лексема *собака* в русском языке является существительным женского рода, а в украинском мужского, укр. *дитина* — ‘ребенок’ — существительное женского рода, серб. *dete*, чеш. *dítě* — слова среднего рода (ср. рус. устар. *дитя*); серб. *jabuka* изменяется по женскому роду, тогда как рус. *яблоко*, укр. *яблуко*, пол. *jablko, jabło*, чеш., словацк. *jablko* — по парадигме среднего рода; рус. *мышь* — муж.р., тогда как укр. *миша* — ж.р.; рус. *рубли* — муж.р., а серб., хорв. *rublja* — ж.р.; рус. *гимн* — м.р., а чеш.,

словацк. *hutna* – ж.р. и т.п. Во многом эти различия возникают либо из-за разности грамматического строя отдельно взятых языков, либо — преимущественно — в заимствованных словах (причем отметим, что родовая омонимия заимствованных слов в славянских языках заслуживает отдельного внимания).

Стилистика

Большой интерес с лингвистической точки зрения в рамках рассматриваемой темы представляет собой стилистическая омонимия, а именно случаи, когда схожее по звучанию слово в разных языках относится к разным стилистическим пластам, будь то высокий, сниженный или нейтральный стиль, устаревшая или архаичная лексика, например: рус. *держава* (высокий стиль) и серб. *држава* (нейтральный стиль), рус. *лепота* (архаизм, старославянизм) — серб. *лепота* (нейтральный стиль), рус. *отрок* (архаизм, возвышенный стиль) и словенск. *otrok* — ‘ребенок’ (нейтральный стиль), рус. *дьяк* (высокий стиль, религиозная лексика) и серб., хорв. *đak* — ‘ученик’ (нейтральный стиль), рус. *молить* (ограниченное, чаще религиозное употребление, высокий стиль) и серб., хорв. *moliti* — ‘просить’ (нейтральный стиль), рус. *кадить* (ограниченное употребление в религиозно-церковном дискурсе) — словенск. *kaditi* — ‘курить’ (нейтральный стиль), рус. *ладья* (устаревшее слово) — словенск. *ladja* — ‘корабль, лодка’ (нейтральный стиль), укр. *поганий* — ‘плохой’, *брехати* — ‘лгать’ (от прямого значения ‘лаять’) относятся к нейтральному стилю, тогда как в русском (*поганий*, *брехать*) они относятся, скорее, к обиходно-разговорному пласту языка или просторечию; рус. *зело* (старославянизм) — словенск. *zelo* — ‘очень’ (нейтральный стиль), равно как и рус., укр. *вельми*, пол. *wielmi* — ‘очень’ (высокий стиль) и бел. *велмі*, чеш. *velmi*, словацк. *veľmi* (нейтральный стиль), рус. *лекарь* (высокий стиль) — укр. *лікарь*, пол. *lekarz*, чеш. *lékař* (нейтральный стиль), рус. *око* (старославянизм, возвышенный стиль) – во всех остальных славянских языках данная лексема относится к нейтральному стилю; рус. *злодей* — укр. *злодій*, чеш. *zloděj* и словацк. *zlodej* (‘вор’, нейтральный стиль), рус. *хартия* (высокий стиль) — серб., хорв. *hartija* — ‘бумага’ (нейтральный стиль), рус. *гроши* (разговорный стиль, а также употребляется в устойчивых выражениях, напр. *ни гроша за душой*, *без гроша в кармане*) — укр. *гроші* — ‘деньги’ (нейтральный стиль) – польск. *grosz* ‘мелкая монета’ (нейтральный стиль), рус. *жрать* (стилистика сниженная лексика) — чеш. *žrát* — ‘есть, применительно к животному’ (нейтральный стиль), рус. *барак* (историзм либо жаргон) и чеш., словацк. *barák* — ‘дом’ (разговорный стиль), рус. *табор* и укр. *табір*, чеш., словацк. *tábor* — ‘лагерь’ (нейтральный стиль), рус. *фраер* (из криминального жаргона, просторечие) и словацк. *frajer* — ‘парень, молодой человек, жених’ (разговорный стиль), рус. *прах* (высокий

стиль) – чеш., словацк. *prach* — ‘пыль’ (нейтральный стиль), рус. *град* (старославянизм, высокий стиль) — чеш., словацк. *hrad* ‘зámok’ и серб., хорв. *grad* — ‘город’ (нейтральный стиль), рус. *вечеря* (ограниченное употребление в религиозно-церковном дискурсе) и укр. *вечеря*, серб., хорв. *večera* — ‘ужин’ (нейтральный стиль), рус. *хвала* и серб. *хвала* ‘спасибо’, рус. *лепота* и, соответственно, сербское и хорватское стилистически не окрашенное *lepota / ljepota* — ‘красота’ (нейтральный стиль), рус. *мещане* (историзм или разговорный стиль, как правило, с неодобрительным оттенком) и пол. *mieszczanie*, чеш. *měšťané* (‘горожане’, нейтральный стиль), рус. *обыватель* и чеш. *obyvatel* (‘житель’, нейтральный стиль) и т.д.

Фразеология

Уровень фразеологии с точки зрения омонимии исследован и описан в славистике менее всего. Межъязыковая фразеологическая омонимия еще не стала предметом специального изучения, хотя на материале отдельных славянских языков достаточно полно описаны внутриязыковые фразеологические омонимы и даже такое специфическое явление, как «межуровневая омонимия» фразеологических и паремиологических единиц [16; 17]. Вместе с тем многими исследователями отмечается, что межславянская фразеологическая омонимия часто встречается в сравнительных оборотах [18]. Здесь приведем лишь несколько иллюстративных примеров: рус. *ходить как лебедь* — ‘плавно идти, о красивой походке’ и серб., хорв. *hodati kao labud* — ‘ковылять, хромать, о неуклюжей походке’, рус. *смотреть как волк/волком* — ‘смотреть со злостью, озлобленно’ и серб., хорв. *kao vuk* — ‘быть смелым, иметь сильный, мужественный характер’, рус. *под носом* — ‘близко’, пренебрежительно, разговорный стиль (говорится с упреком) и пол. *mieć pod nosem* (употребляется в том же значении, но стилистически нейтрально), рус. *как собака* (пренебрежительно о человеке) и серб., хорв. *kao pas* — ‘преданный, дружелюбный’ и т.д.

Синтаксис

Синтаксический уровень с точки зрения возникновения межславянской омонимии также вызывает интерес и требует совершенно иного подхода для рассмотрения причин ее возникновения, которые в основном можно объяснить спецификой грамматических и структурных расхождений в разных славянских языках, среди прочего, в частности: словацк. *či* (вопросительная частица) — укр. *чи*, пол. *czy* (1. вопросительная частица, 2. разделительный союз), рус. *если* (условный или подчинительный союз) — чеш. *jestli* (вопросительная частица), пол. *ale*, серб. *ali* (разделительный союз) — словенск. *ali* (1. разделительный союз, 2. вопросительная частица); рус., укр. *хочу* (глагол) — серб. *хоћу*, хорв. *hoću* (формант для образования глагольных форм будущего времени) и др.

Культурология

Омонимия в славянских языках также нередко возникает вследствие определенных культурологических расхождений и разницы в восприятии объективной окружающей действительности, из-за несовпадения отдельных реалий, переосмысления некоторых понятий, различия во взглядах или философско-религиозных представлениях и т.п., что в более широком плане уже является предметом описания и изучения языковой картины мира того или иного народа. Ярким примером этого могут, в частности, служить некоторые названия месяцев: укр. *травень* — ‘май’ и хорв. *travanj* — ‘апрель’, укр. *липень*, пол. *lipiec* — ‘июль’ и хорв. *lipanj* — ‘июнь’, укр. *серпень*, пол. *sierpień* — ‘август’ и хорв. *srpanj* — ‘июль’, укр. *листопад*, пол. *listopad* — ‘ноябрь’ и хорв. *listopad* — ‘октябрь’, укр. *квітень*, пол. *kwiecień* — ‘апрель’ и чеш. *květen* — ‘май’. Приведенные омонимы возникли вследствие разницы в климатических условиях, характерных для данных стран, т.е. вследствие экстралингвистических причин, в том числе и культурного трансфера [19; 20], разности менталитетов, формирующих этнолингвистическую картину мира того или иного этноса, отразившуюся в языке, что можно назвать еще одной из причин возникновения межславянской языковой омонимии. Подобным образом различается и компонентный состав фразеологизмов — рус. *мартовский заяц* — серб. *фебруарски зец*, что является весьма значимым при установлении степени национальной специфичности фразеологического и паремиологического фондов языка [21]. В этой же связи также следует привести примеры в различиях восприятия цветов и их оттенков: рус. *румяный*, серб. *румен* — словенск. *rumen* («желтый»); или же созвучное с рус. *красный* чешское слово *krásný* — в русском это *красивый* (укр. *красивий*), ср. рус. устар. *красна девица*, *красный молодец*. Такие формы в современном русском языке используются преимущественно как фольклоризмы или встречаются в фразеологизмах и поговорах. Схожую модель перераспределения исконного значения можно найти и в названиях растений, например: рус. *ягода* — ‘любой сочный плод кустарников или трав’ и серб. / хорв. *jagoda*, чеш., словацк. *jahoda* — ‘клубника’, пол. *jagoda* — ‘черника’, или, например рус. *арбуз* и укр. *гарбуз* — ‘тыква’ (ср. серб., хорв. *tikva* — ‘тыква’, но словообразовательный омоним *tikvica* — ‘кабачок’), в названиях продуктов питания: рус. *лимонад* и серб., хорв. *limunada* — ‘свежевыжатый сок из лимона’, рус. *сыр* и укр. *сир* — 1. ‘сыр’, 2. ‘творог’, рус. *пирогои* и пол. *pierogi* — ‘вареники с начинкой’, серб., хорв. *turska kafa* — ‘кофе, заваренный в турке, джезве’ — чеш., словацк. *turecká káva* — ‘молотый кофе, залитый кипятком’, рус. *колач* и серб., хорв. *kolač* — ‘пирожное’ и т.п. Культурологические причины межъязыковой омонимии часто являются предметом лингвокультурологического комментирования фразеологизмов и поговорок в полилингвальных словарях [22], что имеет особенную значимость на инославянском языковом фоне [23; 24].

Заключение

Таким образом, в настоящей статье был осуществлен достаточно широкий обзор примеров межславянской омонимии на материале русского, украинского, польского, чешского, словацкого, сербского, хорватского и словенского языков с привлечением данных болгарского и белорусского языков. Были установлены и проанализированы наиболее показательные примеры возникновения омонимии на фонетическом, лексическом (включая лексико-стилистический уровень), синтаксическом и фразеологическом уровне.

Проведенное нами исследование, находясь в общем русле значительного количества схожих научных работ сравнительно-сопоставительного плана, в то же самое время представляет собой более комплексный анализ, т.к. в нем представлен материал не отдельных сравниваемых друг с другом славянских языков (как правило, сопоставление проводится на основе двух-трех языков, например, русско-польские, польско-чешские и т.п. параллели), а фактически приводятся данные всех основных славянских языков. Помимо этого исследование осуществлялось с учетом различных лингвистических параметров и характеристик: историко-этимологических данных, функционально-стилистических и прагматических особенностей, степени употребительности и т.п., при этом анализ проводился на различных уровнях языка: не только на чисто лексическом (в т.ч. функционально-стилистическом), но и паремиолого-фразеологическом, а также основных грамматических уровнях: фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. В этом заключается значимость проведенного исследования, его отличие от большого количества научных трудов, посвященных рассматриваемой проблематике.

В ходе нашего анализа были рассмотрены наиболее показательные случаи и при этом частотные в употреблении лексемы основных славянских языков всех трех групп. Исследование позволило выявить основные механизмы и принципы возникновения омонимии и, в частности, демонстрирует то, в каких направлениях может постепенно происходить расхождение в семантике общих по происхождению, первоначально единых по значению межславянских лексем.

Итак, подводя итог проделанному исследованию, еще раз отметим, что межславянская омонимия может возникать благодаря случайному созвучию, совпадению лексем (в т.ч. в определенной грамматической форме, например, падеже), однако, как показывают вышеприведенные примеры, чаще всего она возникает на основе общности происхождения лексического славянского фонда, схожести, но не тождественности семантики и различия коннотативных значений изначально этимологически родственных лексем (resp. корней), со временем разошедшихся по своему значению (вплоть до антонимичного).

Это изначальное родство и сохраняющуюся в той или иной степени близость семантики, образности, оттенков коннотативных значений в большей или меньшей степени можно обнаружить, тщательно исследуя механизм зарождения омонимии и специфику ее проявления в различных славянских языках с учетом историко-этимологических, стилистических, функционально-прагматических данных.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что рассматриваемое явление в наиболее полной степени и разнообразно по своей лингвистической (и, как было продемонстрировано, в ряде случаев и по экстралингвистической) природе, проявляется, в первую очередь, в области лексики; иногда можно также говорить о фразеологической, а также паремиологической омонимии — этот аспект до сих пор представляет собой научно-исследовательскую «лакуну» и требует более детального изучения, более широкого научно-теоретического освещения. Отдельный аспект представляет собой стилистическая и синтаксическая омонимия.

Важным результатом, помимо изложенного, является то, что в процессе описания практического материала также были выявлены случаи омонимии, произошедшие в силу культурологических, исторических, философско-религиозных и прочих различий славянских народов, а также случаи случайной омонимии, которая не может быть объяснена ни семантически, ни этимологически, ни какими-либо иными лингвистическими фактами, они мотивированы исключительно лишь особенностями исторического развития отдельных языков, либо определенными происходившими фонетическими, стилистическими и т.п. изменениями, а также обусловлены спецификой культур отдельных славянских народов.

Представленный в статье богатый и разноплановый иллюстративный материал является весомым теоретическим обоснованием для создания в обозримом будущем фундаментального практического словаря межязыковой омонимии на материале основных славянских языков.

Библиографический список

1. *Кусаль К.Ч.* Русско-польская межязыковая омонимия как лексикографическая проблема. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.
2. *Шуба П.П.* Проблемы белорусско-русской межязыковой омонимии и паронимии // Вопросы преподавания русского языка в школе с белорусским языком обучения. 1975. № 1. С. 14–32.
3. *Ровдо В.С.* Межязыковая омонимия в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма: дис... канд. филол. наук. Минск: Изд-во БДУ, 1980.
4. *Заславская Н.В.* Семантико-стилистическая и функциональная характеристика межязыковых омонимов в русском и украинском языках в разряде прилагательных и существительных: дис... канд. филол. наук. Киев: Изд-во КДУ, 1985.
5. *Беднаж М.А.* Польсько-українська міжмовна омонімія: дис... канд. філол. наук. Київ: Вид-цтво КДУ, 2000.

6. *Vaňko J.* Slovinško-slovenská interlingválna homonymia // *Slavia*. Roč. 2004. № 73 (1). P. 59–70.
7. *Horáková R.* Medzijazyková homonymia pri geneticky príbuzných jazykoch // *Filologická revue*. 2002. № 2. P. 52–56.
8. *Мокиенко В.М., Степанова Л.И., Малиновски Т.* Русская фразеология для чехов. Olomouc: Vyd. Univerzity Palackého, 1995.
9. *Хмелевский М.С.* Языковой и культурологический континуум современной Южной Славии: сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки (pro et contra) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest: Akadémiai Kiado, 2023. P. 75–80. <https://doi.org/10.1556/060.2022.00045>.
10. *Савченко А.В., Хмелевский М.С.* «Кто на свете всех труднее?..» (сопоставительный анализ славянских языков в аспекте их преподавания) // *Мир русского слова*. 2019. № 1.С. 91–96. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11091>.
11. *Савченко А.В.* Общеславянская лексика: к вопросу о лексико-семантических и концептуально-понятийных трансформациях слов и понятий в славянских языках // *Вестник Владимирского государственного университета*. 2020. № 2(26). С. 85–97.
12. *Федорчук Е.В.* Межъязыковые омонимы и паронимы в близкородственных языках (на материале русского и украинского языков): дис... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2021.
13. *Селищев А.М.* Старославянский язык в 2 ч. М.: Юрайт, 2019.
14. *Havlová Fr.* Uspěti // *Naše řeč, ročník 37, číslo 3–6*. Praha: ČAV, 1954. P. 187–189.
15. *Хмелевский М.С., Кузнецова И.В.* Фразеологизмы как составляющие концептуальные компоненты фразеологизмов в южнославянских языках // *Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)*. Кострома: Изд-во КГУ, 2020. С. 97–101.
16. *Иваноў Я.Я.* “Фразеалагізацыя” моўных афарызмаў і феномен міжзроўневай аманііі // *Studia Russica*. 2003. Т. XX. P. 143–153.
17. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // *Русистика*. 2019. Т. 17. №2. С. 157–170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>.
18. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Санкт-Петербург: СПбГУ: ЛЕМА; Greifswald: E.M. A.-Universität, 2016.
19. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // *Русин*. 2020. № 60. С. 198–212. <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>
20. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Концептуальная дихотомия «Бог» — «дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 447. С. 55–62. <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7>
21. *Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
22. *Бредис М.А., Иванов Е.Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // *Вопросы лексикографии*. 2022. № 26. С. 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
23. *Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кужугет Ш.Ю.* Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // *Новые исследования Тувы*. 2021. № 4. С. 143–160. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

24. Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

References

1. Kusal', K.Ch. (2006). *Russian-Polish Interlingual Homonymy as Lexicographical Problem*. Saint Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
2. Shuba, P.P. (1975). Problems of Belorussian-Russian Interlingual Homonymy and Paronymy. *Issues of teaching of Russian Language in School with Belorussian Language of Teaching Process*, 1, 14–32. (In Russ.).
3. Rovdo, V.S. (1980). *Interlingual Homonymy in Conditions of Russian-Belorussian and Belorussian-Russian Bilingualism*. Minsk: BDU. (In Russ.).
4. Zaslavskaya, N.V. (1985). *Semantic and Stylistic Characteristics of Interlingual Homonyms in Russian and Ukrainian Languages in Group of Adjectives and Nouns*. Kyiv: KDU. (In Russ.).
5. Bednash, M.A. (2000). *Polish-Ukrainian Homonymy*. Kyiv: KDU. (In Ukrainian).
6. Vaňko, J. (2004). Slovenian-Slovak Interlingual Homonymy. *Slavia*, 73(1), 59–70. (In Czech).
7. Horáková, R. (2002). Interlingual Homonymy in Genetically Related Languages. *Filological Revue*, 2, 52–56. (In Slovak).
8. Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. & Malinovski, T. (1995). *Russian Phraseology for Czechs*. Olomouc: UP. (In Russ.).
9. Khmelevskij, M.S. (2023). Lingual and Culturological Continuum of Modern South Slavia: Serbian, Croatian, Bosnian and Montenegrinian languages (pro et contra). In: *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. pp. 75–80. <https://doi.org/10.1556/060.2022.00045> (In Russ.).
10. Savchenko, A.V. & Khmelevskiy, M.S. (2019). Which Language is the most difficult in the World (the Comparative Analyses of Slavic Languages in the Aspect of their Teaching). *Mir russkogo slova*, 91–96. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11091> (In Russ.).
11. Savchenko, A.V. (2020). Interslavic Vocabulary: about the Issue of Lexical-Semantic and Conceptual-Meaning Transformations of the Words and Meanings in Slavic Languages. *Bulletin of Vladimir State University*, 2(26), 85–97. (In Russ.).
12. Fedorchuk, E.V. (2021). *Interlingual Homonyms and Paronyms in Closely Related Languages (based on the Russian and Ukrainian languages)*. Moscow: MGU. (In Russ.).
13. Selischev, A.M. (2019). *Old Slavic Language in two parts*. Moscow: Yurayt. (In Russ.).
14. Havlová, Fr. (1954). Uspěti [Succeed]. *Naše řeč [Our speech]*, 37 (3–6), 187–189. (In Czech).
15. Khmelevsky, M.S. & Kuznetsova, I.V. (2020). Orientalisms as the Components of Phraseological Units in South Slavic Languages. *Phraseological and Paremiology in Diachronic and Synchronic Aspects (from history to neology)*. Kostroma: KGU. pp. 97–101. (In Russ.).
16. Ivanov, E.E. (2003). “Phraseologicalization” of Language Aphorisms and the Phenomenon of Interlevel Homonymy. *Studia Russica*, XX, 143–153. (In Belarusian).
17. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic Units Recurrence in Modern Russian Language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
18. Stable comparisons in the system of phraseology. (2016). St. Petersburg: St. Petersburg State University: LEMA Publ.; Greifswald: E.M.A.-Universität. (In Russ.).
19. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2020). Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in Slavic Languages (Based of Numerative Units). *Rusin*, 60, 198–212. <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12> (In Russ.).
20. Lomakina, O.V., & Mokienko, V.M. (2019). The Conceptual Dichotomy “God” — “Devil” in Russian Phraseology and Paremiology (Against the Slavic Background). *Tomsk State University Journal*, 447, 55–62. <https://doi.org/10.17223/15617793/447/7> (In Russ.).

21. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996–1035. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035> (In Russ.).
22. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Linguoculturological Commentary in Polylingual Dictionaries of Proverbs. *Russian Journal of Lexicography*. 26, 5–29. <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1> (In Russ.).
23. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu. & Kuzhuget, Sh.Yu. (2021). A Lexicographical Description of Tuvan Proverbs: Principles, Structure and an Ethnolinguoculturological Commentary as Compared to European Paremies. *New Research of Tuva*, 4, 143–160. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> (In Russ.).
24. Ivanov, E.E. (2023). Linguoculturological Commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, 1, 243–258. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славянских языков и литератур, Государственный университет Чжэнчжи (116, Тайвань, г. Тайбэй, Вэньшань, ул. Чжинань, 64, уч. 2); *сфера научных интересов*: славистика, русистика, балканистика, лексикология, фразеология и синтаксис славянских языков, компаративистика; *e-mail*: savchenko75@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4337-9925; SPIN-код: 9254-0618; Author ID: 900378.

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (14199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *сфера научных интересов*: славистика, балканистика, сравнительно-сопоставительное языкознание, лексикология, фразеология; *e-mail*: chmelevskij@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1980-5453; SPIN-код: 7273-1065; Author ID: 816483.

Information about the authors:

Alexandr V. Savchenko, Ph.D. in Philology, Assistant Professor at the Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University (64, Sec. 2, Chinan Rd., 116, Wenshan, Taipei, Taiwan); *Research interests*: Slavic studies, Russian studies, Balkan studies, lexicology, phraseology and syntax of Slavic languages, comparative studies; *e-mail*: savchenko75@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4337-9925; SPIN-code: 9254-0618; Author ID: 900378.

Mikhail S. Khmelevsky, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Philological Faculty, Saint-Petersburg State University. Department of Slavic languages (7–9, Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Slavic studies, Balkan studies, comparative linguistics, lexicology, phraseology; *e-mail*: chmelevskij@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1980-5453; SPIN-code: 7273-1065; Author ID: 816483.